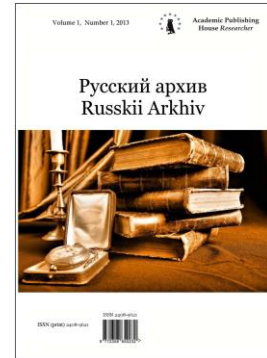

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2021. 9(1): 29-43

DOI: 10.13187/ra.2021.1.29
www.ejournal16.com

Post-Soviet Armed Conflicts in the North Caucasus: Features of Collecting Interviews with Internally Displaced Persons from Chechnya

Evgeniya M. Goryushina ^{a, *}

^a Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In this article, the study of personal memory of the armed conflict in Chechnya is examined through the prism of a neo-institutionalist approach, which allows using not only traditional types of sources (for instance, published periodicals). The neo-institutionalist history involves the use of primary sources more familiar to ethnographers and anthropologists – oral evidence in the form of unstructured interviews. From a political perspective, neo-institutionalism can help explain how the current situation of internally displaced persons is limited by the regulatory institutions on the federal level. The study builds on an understanding of history presented by the greatest British social anthropologist of the 20th century M. Douglas in 1986, as a cumulative aggregate of individual and collective memory that has a direct impact on the formation of actions and the importance of social relations in an institutionally contradictory environment (in which IDPs find themselves). The article is the first attempt to understand the question of interviewing IDPs from Chechnya 27 years after the start of the active phase of hostilities. The article contains fragments of interviews with internally displaced persons as a result of the internal armed conflict in Chechnya. All information is anonymized at the request of the respondents.

Keywords: war, armed conflict, interviews, post-Soviet conflict, South of Russia, internally displaced persons, Chechnya.

Изучение частной памяти о вооруженном конфликте в Чечне получило развитие в конце XX в. на фоне социально-политических трансформаций в России. Первый этап конфликта (обиходное название «первая чеченская кампания») завершился подписанием Хасавюртовских соглашений от 31 августа 1996 г. Три года спустя боевые действия на территории Чечни и приграничных регионов Северного Кавказа были возобновлены. Память о двух этапах чеченского конфликта все еще выполняет функцию инструмента, воссоздающего старое или конструирующего новое прошлое (Sachs, 2012). Особенно важно учитывать фактор частной памяти тех, кто был вынужден бежать от вооруженного насилия за пределы зоны боевых действий.

Однако не всегда бегство способствовало обретению безмятежной и стабильной жизни. Те, кто все же покинул места постоянного проживания, долгое время не могли поверить в затяжные боевые действия и особенно разрушительные последствия для чеченской столицы: в конце 1994 г. и в конце 1999 г. город брали штурмом Вооружённые силы Российской Федерации, а в августе 1996 г. – объединённые силы Чеченской Республики

* Corresponding author

E-mail addresses: esherder@gmail.com (E.M. Goryushina)

Ичкерия. Во время этих событий город был сильно разрушен, а центральный район города уничтожен полностью.

Многие из беженцев и перемещенных лиц предпринимали неоднократные попытки вернуться из мест временного нахождения, но сталкивались с различного рода препятствиями, мародерством, либо и вовсе не могли обнаружить свое жилье, уничтоженное в результате бомбардировок Грозного. Для большинства вынужденных покинуть место постоянного проживания или эвакуированных появился ряд новых проблем: адаптация к новым жизненным реалиям, сбор документов для получения официального статуса временного перемещенного лица (ВПЛ), сохранение покинутого жилья и предметов имущества (многие не располагали временем на сборы), поддержание контактов с оставшимися в зоне конфликта соседями, друзьями, родственниками. Фактически, перемещенные лица из Чечни стали носителями уникальной частной памяти в силу того, что им пришлось и до сих пор приходится преодолевать последствия давно завершеного вооруженного конфликта: некоторые из них утратили официальный статус ВПЛ, кто-то изначально не подавал документы на его обретение; отдельные ВПЛ объединялись в группы с целью добиться выплаты денежной компенсации за утраченное жилье в Чечне.

С учетом этого частная память ВПЛ рассматривается сквозь призму неоинституционалистского подхода, который позволяет использовать не только традиционные виды источников (например, периодические издания), но предполагает анализ и обобщение первоисточников, более привычных для этнографов и антропологов – устные свидетельства в форме неструктурированного интервью. В ракурсе политической науки неоинституционализм может способствовать объяснению того, как современное положение ВПЛ ограничивается регулируемыми институтами на федеральном и республиканском уровне.

Исследование опирается на понимание истории, представленной крупнейшим британским социальным антропологом XX в. М. Дуглас в 1986 г. (Douglas, 1986), как накопительной совокупности индивидуальной и коллективной памяти, оказывающей непосредственное влияние на формирование действий и значение социальных отношений в институционально противоречивой среде (в которой оказались ВПЛ).

Всестороннее исследование сбора интервью у внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) из Чечни существенно затрудняет сравнительно малое количество отечественных академических и особенно полевых работ по теме (Мукомель, 1999: 66-71; Ключищева, Мальцева, 2007: 113-117; Яндиева, 2017: 75-80). Большинство вторичных источников (в том числе содержащих фрагменты интервью с ВПЛ) и аналитических докладов, посвященных постсоветским конфликтам на Кавказе (Ганнушкина, 2003), принадлежат зарубежным неправительственным организациям (Гуннар, 2008: 186-200), занятых в области профессиональной помощи пострадавшим в результате массового насилия (Миниг, 2002: 174-177). Обзор литературных источников по теме исследования (Горюшина, 2019: 95-103) также осуществлен зарубежным Объединенным центром данных по насильственному перемещению (*Joint Data Center on Forced Displacement*) при поддержке Управление Верховного Комиссариата по делам беженцев (УВКБ ООН) и Всемирного банка (*Forced Displacement Literature Review, 2020*).

Отдельные организации, подготовившие обстоятельные доклады и отчеты по положению ВПЛ, занесены в список иностранных агентов (в частности, правозащитный центр «Мемориал», российское региональное интернет-СМИ «Кавказский узел», др.). Только с начала активной вооруженной фазы на Юго-Востоке Украины в 2014 г. стали появляться русскоязычные исследования, преимущественно описывающие проблемы адаптационного и интеграционного характера, свойственные для беженцев и ВПЛ из зоны конфликта.

Наконец, ВПЛ отличаются наибольшей чувствительностью к тем вопросам интервью, которые могут подвергнуть еще большей опасности их жизнь, раскрыть личные данные и характерные черты респондента, в отдельных случаях – историю его перемещения по постконфликтной территории (при условии, что данная информация может прямо или косвенно угрожать их безопасности), либо соседним регионам. Многие респонденты до сих пор выражают опасения относительно своего неустойчивого статуса и безопасности. Другие же, напротив, утратив надежду на обретение собственного жилья как ВПЛ, открыто сообщают свои данные, демонстрируют официальную переписку с органами региональной и

федеральной власти. Некоторые из них соглашаются на запись устных свидетельств, полагая, что интервьюер будет способствовать распространению информации об актуальных проблемах ВПЛ и окажет помощь в решении их бытовых проблем.

Водоразделом стал декабрь 2015 г., когда были приняты поправки к Федеральному Закону «О вынужденных переселенцах» (Федеральный закон № 467-ФЗ), лишившие статуса вынужденного переселенца всех тех, кто ранее получил компенсацию или иную форму господдержки. При этом часть вынужденных переселенцев получила небольшие суммы, которых не хватило на приобретение жилья (Вынужденным переселенцам из Чечни, 2020).

Вооруженный конфликт: беженец или ВПЛ? Работа с беженцами и внутренне перемещенными лицами основывается на определении пострадавших в их статусе. Так или иначе, появление вынужденных переселенцев является свидетельством распространения и высокой интенсивности вооруженного насилия. В этом случае миротворческие процессы направлены на оказание помощи и содействие их возвращению на родину. Беженцы и внутренне перемещенные лица относятся к социально, экономически, политически и психологически уязвимой группе населения в силу того, что они были вынуждены покинуть родные дома, лишиться привычных средств и способов к существованию (Руководящие принципы, 1998). Данная категория пострадавших, обычно рассматриваемая как тяжелое бремя для государства, может оказаться не в состоянии защитить собственные интересы в условиях, когда им отказывают в соблюдении их прав, или же когда они зависят от соседствующих с ними этнических групп или международного сообщества.

В новых условиях пребывания беженцы и ВПЛ способны приобрести навыки, которые впоследствии окажутся незаменимыми после их возвращения домой и будут способствовать стабилизации обстановки на родине. Согласно Конвенции о статусе беженцев, принятой в 1951 г. (Конвенция о статусе беженцев, 1951), права беженцев в принимающей стране должны быть эквивалентны правам проживающих там граждан. При этом должен быть соблюден принцип *non-refoulement* (невозвращение), означающий невозможность принуждения вернуться на родину, если у них имеются основания для опасения за жизнь (Права неграждан, 2006). Конвенция о статусе беженцев была введена после появления таковых в Европе в результате Второй мировой войны. Текст Конвенции намеренно не затрагивал людей, пострадавших в результате вооруженных конфликтов. Однако в некоторых случаях их могут интерпретировать как беженцев, спасающихся от вооруженного насилия. В частности, подобные положения зафиксированы в Конвенции Организации африканского единства (1969 г.), регулирующей специфические аспекты проблемы беженцев в Африке (Конвенция 1969 года); в Картахенской Декларации о беженцах в Центральной Америке (1984 г.). Последняя не является обязательной, она стала приниматься за основу осуществляемой политики по отношению к беженцам в регионе и была уже внедрена в национальные законодательства нескольких государств.

Управление Верховного Комиссариата по делам беженцев, как правило, воспринимает беженцев как лиц, спасающихся от конфликта. Наряду с этим США и ряд европейских государств определяют статус людей, ищущих убежища, на основании индивидуальных опасений, напрямую связанных с их преследованием.

Для дальнейшего описания особенностей проведения интервью и сбора устных свидетельств с ВПЛ необходимо привести определение этого статуса (на основе принятых в 1998 г. Руководящих принципов по вопросу о перемещении лиц внутри страны) (Руководящие принципы, 1998): «...перемещенными внутри страны лицами считаются лица или группы лиц, которых заставили или вынудили бросить или покинуть свои дома или места обычного проживания, в частности в результате или во избежание последствий вооруженного конфликта, повсеместных проявлений насилия, нарушений прав человека, стихийных или вызванных деятельностью человека бедствий, и которые не пересекали международно признанных государственных границ».

Обращение к закону Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» (1993 г.) позволяет понять, что вынужденный переселенец определяется как «гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах, либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к

определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка» ([Закон РФ от 19 февраля 1993 г. N 4530-I](#)).

Сопоставление зарубежной и российской трактовки «вынужденный переселенец» показывает, что законодательство РФ исключает из этого понятия тех лиц, которые были вынуждены бежать под влиянием массового нарушения прав человека, вооруженного конфликта и общего насилия, а также и тех, кто, не покинул пределы зоны вооруженного насилия, а перемещался внутри ее территории. Данная практика определения статуса пострадавших в результате вооруженных конфликтов постсоветского времени на Кавказе также исключала и тех, кто не покинул территорию Чечни в 1994 г., а вынужден был искать помощи непосредственно на ее территории.

ВПЛ из зоны конфликта в Чечне. По разным данным в 1994 г. около 100 тысяч жителей Чечни, не являвшихся этническими чеченцами, вынуждены были бежать в разные регионы Российской Федерации. Отток населения из республики продолжался вплоть до окончания первого этапа вооруженного конфликта в 1996 г., в результате чего около 600 тысяч человек (в том числе этнические чеченцы) были вынуждены покинуть территорию республики в период с 1991 по 2006 гг. ([Есть ли у них будущее, 2006](#)) Начало второго этапа вооруженного конфликта в 1999 г. привело к возобновлению бегства населения. Согласно докладу Центра мониторинга за внутренним перемещением (*Internal Displacement Monitoring Centre*), авторитетного в мире источника данных и анализа по внутреннему перемещению, официальная статистика по числу ВПЛ в результате вооруженных конфликтов на Кавказе в Российской Федерации на сегодняшний день отсутствует. УВКБ ООН определяет это число в 137 тысяч человек. «В правительственных данных за февраль 2006 г. приводится цифра 82 тысячи 200 человек. Однако эта статистика включает лишь тех, кто был зарегистрирован миграционными службами в Чечне и Ингушетии. В настоящее время данные о числе чеченцев среди ВПЛ отсутствуют» ([Борьба за выживание, 2008](#)).

По состоянию на 2004 г. зарубежные специалисты отмечали, что «десятилетие конфликта привело к появлению примерно 260 тысяч ВПЛ. К середине 2004 г. около 52 тысяч человек оставались в соседней Ингушетии. Большинство из них находятся в местах, непригодных для проживания – палаточных лагерях или стихийных поселениях, в том числе в вагончиках, на заброшенных сельскохозяйственных угодьях, в заводских и складских помещениях» ([De Jong, 2004: 1008](#)).

В 2006 г. президент Чеченской Республики (ЧР) Р.А. Кадыров заявил, что пункты временного размещения ВПЛ в Чечне следует закрыть ([Правительство Чечни развернуло, 2006](#)). Наряду с тем, что республиканские власти прокламировали курс на восстановление республики, это также означало, что проблем, связанных с внутренне перемещенными лицами, больше быть не должно. Фактически, данное заявление привело к тому, что «из-за дефицита жилья в пунктах временного размещения большая часть возвращающихся людей (132 тыс. из числа зарегистрированных ВПЛ), была вынуждена обеспечивать себя жильем, исходя из собственных средств» ([Правительство Чечни развернуло, 2006](#)).

Спустя четыре года (10 декабря 2010 г.) во исполнение Поручения Президента РФ (Пр-2736) в Министерстве регионального развития РФ была создана Межведомственная рабочая группа (МРГ) по подготовке нового порядка оказания государственной поддержки вынужденных переселенцев из ЧР. Результаты ее деятельности позволили определить, что «государственная поддержка, предоставленная Постановлением Правительства РФ №510, не позволила решить проблему жилищного обустройства ВПЛ» ([В СПЧ состоялось совещание, 2019](#)).

В 2014 г. остро встал вопрос о русских вынужденных переселенцах. В открытых источниках содержатся различные высказывания пострадавших нечеченской национальности: «С 1991 г. сотни тысяч русских покинули Чечню. За это время восстановили Грозный, построили лучшую в мире мечеть, конюшню Кадырову. Все это время русские ждали. Нет политической воли разобраться с людьми <...> У моих родителей общий стаж в нефтяной промышленности был 105 лет. И они должны были с бумажками идти в Миграционную службу. Русские, насколько мне известно, не бегали по горам с

автоматами. Это их взрывали, убивали, отбирали у них дома» (отрывок из интервью беженки из Чечни Веры Константиновны) (Егоров, 2014).

Региональные и федеральные СМИ освещали бедственное положение русских вынужденных переселенцев (Сухов, 2020), бежавших в Санкт-Петербург к родственникам. Многие переселенцы рассказывали журналистам, что в 1994 г. времени на сбор имущества не было. «Не редки случаи, когда люди уезжали налегке, в домашней одежде. И хорошо, если с документами. С надеждой продать дома и квартиры пришлось распрощаться. Как рассказывают бывшие жители Грозного, на улицах тогда появились надписи “Не покупайте квартиры у Маши, они все равно будут наши”. Теперь это жилье или разрушено, или уже стало чужой собственностью», – опубликовало в 2014 г. российское федеральное информационно-аналитическое агентство «Росбалт» (Мохова, 2014).

«У меня дом был, здоровенный, кирпичный, но его занял чеченец. Я написал Путину, администрация президента отсылает меня к Кадырову, а Кадыров разве выгонит чеченца из дома? Вот и сплю у детей на раскладушке» (из опубликованного в открытом источнике рассказа Владимира Кулешова, пенсионера и вынужденного переселенца из Грозного) (Мохова, 2014).

С 2016 г. по 2019 г. было зафиксировано массовое поступление жалоб и обращений вынужденных переселенцев в Совет по правам человека и другие инстанции (обращения граждан, утративших жилье в Чечне, связаны с отказом в оказании господдержки ввиду приостановки статуса вынужденных переселенцев) (Курские, 2020). Очевидно, этому также способствовало упразднение Федеральной миграционной службы в 2016 г., чьи полномочия были переданы Главному управлению по вопросам миграции Министерства внутренних дел РФ. Данная реформа значительно затруднила решение проблем вынужденных переселенцев.

Последующие меры на федеральном уровне, в основном, касались проведения рабочих встреч по теме поддержки вынужденных переселенцев из ЧР, переадресации обращений председателя Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека в другие структуры: Министерству по делам Северного Кавказа (Письмо Министерства РФ от 19 августа 2016 г.), Председателю Правительства РФ, Министерству внутренних дел, Министерству финансов (В СПЧ состоялось совещание, 2019). Из чего следует, что власти в Чечне «подняли» вопрос о существовании ВПЛ уровнем выше – с республиканского на федеральный, нивелировав (или даже предав забвению) проблему в чеченском правовом поле (Панкова, 2019).

Однако федеральный центр не оставил без внимания соседнюю с Чечней республику, некогда принявшую основной поток бежавших от конфликта, – Ингушетию. Летом 2019 г. были получены ответы из министерств и других органов власти, а осенью 2020 г. М.-А.М. Калиматов, президент Ингушетии, вручил 29 жилищных сертификатов вынужденным переселенцам. Всего с начала 2020 г. гражданам из категории временно перемещенных было выдано 309 сертификатов (впрочем, сюда включены беженцы из Пригородного района Северной Осетии).

Предыдущий опыт интервьюирования ВПЛ. С 10 по 21 декабря 2002 г. неправительственная организация по мониторингу, расследованию и документированию нарушений прав человека «Хьюман Райтс Вотч»/Human Rights Watch провела исследовательскую миссию в палаточных городках в Ингушетии. В ходе интервью с 62 людьми были зафиксированы «запугивание со стороны миграционных властей с целью вынудить примерно 20 тысяч перемещенных лиц, проживающих в шести оставшихся палаточных городках, вернуться в Чечню» (Human Rights Watch, 2003).

В феврале 2004 г. сотрудники международной гуманитарной организации «Врачи без границ» / Médecins Sans Frontières (MSF) с помощью систематической выборки провели количественные исследования состояния физического и психологического здоровья ВПЛ в стихийных поселках и центрах временного размещения на территории Ингушетии и Чечни. Результаты опроса 539 пострадавших демонстрируют, что в обоих лагерях преобладали небезопасность и плохие условия жизни, нехватка продовольствия. Специалисты фиксировали, что большинство людей попали туда в первый год начала двух этапов внутреннего вооруженного конфликта в Чечне: в 1994 г. и 1999 г. соответственно. С тех пор пострадавшие несколько раз были вынуждены переехать. Средняя продолжительность

перемещения составила пять лет. «Опрошенные рассказывали о том, что им не разрешили вернуться домой из-за опасений по поводу безопасности или из-за того, что их собственность была уничтожена» (De Jong и др., 2004).

Большинство респондентов (Чечня: 94 %, Ингушетия: 98 %) сталкивались с насилием в прошлом. Многие опрошенные оказались свидетелями убийства людей (Чечня: 22,7 %, Ингушетия: 24,1 %), и почти половина из них были свидетелями арестов (Чечня: 53,1 %, Ингушетия: 48,4 %) и жестокого обращения (Чечня: 56,2 %, Ингушетия: 44,5 %). Примерно треть респондентов непосредственно пережили насилие, связанное с войной. Значительное количество опрошенных – треть в Ингушетии (37,5 %) и две трети в Чечне (66,8 %) – редко чувствовали себя в безопасности. Насилие продолжалось, респонденты сообщали о насилии за месяц до проведения исследования (Чечня: 12,5 %, Ингушетия: 4,6%) (De Jong и др., 2007).

Методика и особенности сбора интервью. С учетом всех политических обстоятельств, связанных с внутренне перемещенными лицами из зоны конфликта в Чечне, с конца 2019 г. по 2021 г. автором было проведено качественное исследование, предполагавшее сбор глубинных интервью с ВПЛ. Непрезентативная выборка респондентов была построена в корреляции с методологией полевой работы, которая допускала, что опрашиваемый более не обладал официальным статусом ВПЛ, либо по определенным причинам его вовсе не получал, но был вынужден покинуть территорию конфликта в Чечне.

В результате полутора лет работы (включая периоды введения ограничительных мер по предотвращению распространения COVID-19 в 2020 г., затруднившие сбор интервью) удалось собрать 12 устных свидетельств вынужденных переселенцев (преимущественно из Грозного) различных национальностей, где только трое – чеченцы, шестеро – ингуши. Минимальный возраст респондентов составлял 46 лет, максимальный – 68 лет; женщины – 6, мужчины – 6. Все респонденты потеряли прежнее жилье в Чечне.

Большинство информантов отказывалось от записи на диктофон, мотивируя свое нежелание давать интервью чрезвычайно высоким уровнем политизации всех вопросов, связанных с социальной поддержкой ВПЛ. При этом только один из респондентов согласился раскрыть свои личные данные. География сбора интервью сформировалась таким образом, что все они были записаны в различных населенных пунктах за пределами Чеченской Республики с 2019 г. по настоящее время. При передаче интервью в архив проекта, в рамках которого подготовлена данная статья, интервьюером и руководителем проекта был подписан документ о том, что аудиозаписи и расшифровки интервью не будут передаваться третьему лицу.

Методика проведения интервью опиралась на апробированные инструкции по сбору устных свидетельств, опубликованные международными организациями, оказывающими профессиональную помощь беженцам и ВПЛ в зонах военных действий. В преддверии и во время полевых исследований автор брал очные и онлайн-консультации с практикующими психологами в Ростове-на-Дону, Москве и Магасе по особенностям работы с психотравмами (Захарова, Цветкова, 2020: 185–197), полученными в результате вооруженного насилия (Маслова, 2007: 103–107); получал рекомендации относительно экологичного процесса интервьюирования вынужденных переселенцев.

Одной из характерных черт сбора устных свидетельств с ВПЛ из Чечни стало высокое психологическое сопротивление к повествованию о ходе военных действий и их последствиях:

- каждый респондент хотя бы раз уклонялся от ответа на вопрос о том, что им приходилось испытывать и видеть: избегались нарративные линии о человеческих трупах на городских улицах, разлагающихся останках животных, военной повседневности вплоть до отказа от описания доступных продуктов питания и базовых средств гигиены;

- информанты говорили о ностальгии по довоенному Грозному (Горюшина, 2020: 279–302), ассоциируя его с местом зеленых насаждений и проживания людей различных национальностей (из интервью известно, что армяне, евреи, русские, ингуши и чеченцы зачастую вместе проводили досуг вне рабочего времени (Интервью 2 декабря 2020 г.); первыми покинули жители столицы нечеченской национальности, а чеченцы вынуждены были остаться в республике). Информанты схожи в точке зрения о том, что прошлого

Грозного более не существует, а в новый отстроенный город они не желают возвращаться ни при каких условиях. Многие устные свидетельства (7 из 12) содержат тезисы о том, что «свои же и выгнали из домов» ([Интервью 27 ноября 2019 г.](#)).

Очевидно, что постоянное избегание стимулов, ассоциирующихся с травмой (избегание мыслей, чувств, разговоров, а также действий, мест и людей, возбуждающих воспоминания о травме; невозможность вспомнить важный аспект травмы; заметное снижение интереса к значимым действиям или снижение участия в них; появление чувства отдаления и отчуждения; чувство ограничения перспектив) ([Как преодолеть психотравму, 2012](#)) свидетельствуют о сохраняющемся посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР) респондентов. Некоторые из них говорили о том, что они уже прожили негативный опыт военного периода и больше не желают о нем вспоминать, и, значит, по их словам, справились с ним. При этом на вопрос о возможном обращении за профессиональной психологической помощью респонденты отвечают, что возможно сделали бы это, но все же не видят смысла после продолжительного периода времени.

Анкета для интервьюирования содержала не менее двадцати основных вопросов, касающихся военной повседневности с дифференциацией «до» и «после» вооруженных действий, использования или неиспользования огнестрельного оружия, помощи и взаимовыручки людям другой национальности, восприятия мирной жизни и обустройства быта на новом месте, особенностей коммуникации с родственниками до и после вынужденного переселения; наконец, социальной поддержки ВПЛ.

Военная повседневность в воспоминаниях ВПЛ из Чечни. Данный раздел статьи содержит фрагменты интервью, которые приводятся в соответствии с хронологией повествования респондента. При этом ключевой особенностью интервью с ВПЛ стало то, что информанты, избегая каких-либо деталей о проявлении конкретного насилия, описывали повседневность 1990-х и начала 2000-х гг. Перед интервьюером стояла задача записать целостный нарратив, сохраняя условия экологичного обращения с памятью респондента, предоставляя возможность свободного обращения к прошлому без прерывания нарратива и использования частых вопросов.

Так, один из респондентов рассказывает о начале боевых действий на территории Чечни и последствий для его семьи: «Когда первая война началась, разбомбили нашу школу. Она находилась рядом, где мы жили. Дети мои остались без школы. Некоторые соседи погибли. Русские соседи были у меня очень хорошие. Тоже многие погибли. Многие уехали. В наш дом тоже попало несколько ракет. Потом мы восстанавливали его. В 1995 г. чуть-чуть восстановили. Хотя, когда на крышу смотрели, видно было небо. Мы жили там так. Затем понемногу восстановились. Пристроили себе несколько помещений. То, что разбомбили при первой бомбежке (кухня, ванна), [то] восстановили. Как-то обжились. Люди начали на работу выходить. Муж на работу вышел в свой гараж. Потом в 1996 г. опять война началась. Потом мы выехали оттуда. Так и жили, то приезжая сюда, то возвращаясь туда [и] обратно. Окончательно переехали в Ингушетию в 2000 г. Здесь где-то в 2000–2002 г. начали выдавать хлеб, потом перестали. Это была вся помощь нам со стороны. Больше ни копейки» ([Интервью 14 декабря 2020 г.](#)).

Начав свой рассказ, респондент вспоминает прошлое и описывает подробности жизни до начала вооруженных действий в 1994 г., которые занимают значительное место в записанном нарративе: «До войны мы жили прекрасно. Мы работали. Я работала, муж работал. Из мальчиков один учился, а второй работал с отцом. Перед тем как началась война, были волнения. Вертолеты подлетали, гранаты взрывали. Недалеко от нашего дома находилась воинская часть. И очень опасно было там находиться. Мы где-то в конце декабря оттуда уехали, когда начались массовые операции. Очень сильно бомбили и город разбомбили. Власть менялись через каждые полгода. То один приходил президент, то другой. Естественно, после начала войны ни о какой жизни там речи и не шло. Началась борьба за выживание. А для этого нужно было уехать в безопасное место». ([АП РФ. Интервью 14 декабря 2020 г.](#)) Респондент повествует о тех причинах, которые вынудили его покинуть место постоянного проживания. При этом заметно, что политические изменения – «то один приходил президент, то другой» – для него не имели особого значения, так как началась борьба за выживание, сопряженная с необходимостью переезда его самого и семьи.

В дальнейшем фрагменте респондент описывает страхи, вызванные не просто сменой проживания, а тем путем, который ему и его близким родственникам пришлось преодолеть, чтобы покинуть зону вооруженного конфликта: «Страшно было. Неопределенность и отсутствие какой-либо информации еще больше пугали. Наше будущее было под угрозой. Неизвестно было, что случится завтра. Смерть могла настичь в любой момент. Когда началась война и мы уехали оттуда, мы пешком шли где-то 20 километров. Это было в декабре, было ужасно холодно и страшно. Над нашими головами пролетали пули. Пулеметными, автоматными очередями. Я думала, что нас там по дороге расстреляют. Люди и падали, и сознание теряли. Один наш сосед умер по дороге. Он был с инсультом, парализованный. Мы его не довезли. Его все несли по очереди. Кто мог на горбу, кто – под мышкой. Но до [населенный пункт] он не дожил. Он скончался по дороге» (Интервью 14 декабря 2020 г.). За несколько лет полевой исследовательской работы автор неоднократно сталкивался с тем, что для респондентов чеченской или ингушской национальности одним из ключевых символов воспоминаний о прошлом становится невозможность похоронить человека, умершего в ходе переезда (аналогично в случае с воспоминаниями о депортации 1944 г.).

О прибытии в пункт назначения респондент рассказывает следующее: «Добравшись туда, мы сутки просидели в [название населенного пункта] в доме культуры. Потом отсюда [название населенного пункта] приехали автобусы и нас вывезли оттуда. <...> Похоронить умершего возможности не было. Мы пытались как можно скорее укрыться в безопасном месте. Тело умершего привезли на второй день в [название населенного пункта]. Люди старались выжить, но не у всех получалось. Кому-то было суждено там закончить свой жизненный путь» (Интервью 14 декабря 2020 г.).

Респондент повествует о потере всего имущества на территории конфликта и скудных условиях проживания в месте временного размещения: «Абсолютно ничего взять с собой не получилось. Все осталось там. Ни одной ложки не взяли. Даже фотографии не взяли и не сохранились. <...> В первое время, когда приехали муж и один сын, жили у родственников мужа. А я со вторым сыном жила у своей мамы. Всем материально жилось нелегко тогда. Они сами концы с концами сводили, не то, что нам помочь с новым жильем и обустройством на новом месте. Единственное, что они могли для нас сделать – приютить на время, что они и сделали. <...> Очень тяжело было все начинать заново. Копейки собирала, и когда собрала определенную сумму, за 600 долларов купила в [название населенного пункта] небольшой дом. Это было 12 тысяч [рублей] в то время. После этого мы опять обратно ездили в Чечню. Хотели восстановить свою жизнь там, остаться там, но не получилось. Не было возможности. Не было стабильной власти, стабильного дохода. Ни пенсию не платили, ни зарплату, ничего не платили. И окончательно, в 2000 г. только выехали оттуда. Даже вспоминать не хочется весь этот ужас» (Интервью 14 декабря 2020 г.).

О кратковременном возвращении в разрушенный Грозный и увиденном бывшем месте жительства рассказывает другой респондент: «Я туда поехала в первый раз, когда город был в полной разрухе. И прожив тридцать лет в центре города, зная там каждую улицу, каждый дом, потому что пешком ходила в институт, на работу, я вдруг приезжаю, выхожу с автобуса и ужас, вокруг ни домов, ничего. Площадь бывшая, площадь Ленина, и только по штырю, где стоял памятник, торчала железка, я поняла, что это площадь, памятник Ленина. Ну, конечно, в горле все сжалось, слезы, ужасная была картина, город разрушенный, люди подавленные все, мусор, свалки. Ну, все знают, что там творилось» (Интервью 16 апреля 2021 г.).

Еще один респондент делился своими ощущениями и эмоциональными переживаниями о том, что пока не увидишь кровь, вряд ли осознаешь, что находишься в эпицентре военных действий, где существует враг: «Мы видели боевиков, которые шли с поля на смену, мы видели русских солдат, которые тоже были измученные, потерянные. Было страшно, и ты не понимал, от кого тебе надо прятаться – от солдат или от боевиков. И те, и те поддерживали, помогали; и те, и те проявляли агрессию. Сложно было разделить, где наши, где чужие, где свои. Это война» (Интервью 13 апреля 2021 г.).

Интервьюирование внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) в результате постсоветских вооруженных конфликтов на Северном Кавказе представляется одной из сложнейших исследовательских задач в современной российской науке. Во-первых, это связано с высоким уровнем политизации хода и последствий этнополитических конфликтов в регионе (согласование границ между республиками является тому примером). Во-вторых,

подтверждение или продление срока действия статуса вынужденного переселенца зачастую приводит к спорным и даже конфликтным ситуациям с органами власти (по словам респондентов), нередко случаи приостановления социальных выплат ВПЛ. В-третьих, зарубежная и отечественная практика определения статуса беженца и внутренне перемещенного лица значительно различается (Котова, 2016: 45-54). В-четвертых, изучение опыта интервьюирования ВПЛ в результате вооруженного конфликта напрямую связано с синтезом антропологической и психологической академических отраслей, на фоне которых политическая и историческая науки объясняют, скорее, уязвимое положение вынужденных переселенцев из Чечни в современном российском обществе.

Благодарности

Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ №17-18-01411.

Автор выражает благодарность всем своим респондентам и тем, кто осуществлял помощь в организации встреч с ними.

Литература

Борьба за выживание, 2008 – Борьба за выживание. О положении бывших жителей Чечни на территории России за пределами Чеченской республики // Internal Displacement Monitoring Centre, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.internal-displacement.org/sites/default/files/inline-files/200806-eu-russia-struggling-to-integrate-displaced-people-from-chechnya-country-ru.pdf> (дата обращения: 23.04.2021).

В СПЧ состоялось совещание, 2019 – В СПЧ состоялось совещание по вопросам мер господдержки вынужденным переселенцам из Чеченской Республики // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, 31.07.2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5701/?fbclid=IwAR2Sg6WZWmjK3quA9vpTJ-SRZ7QhpJfRQHcW1h6cqINl4NbpXgYPJ5HiehQ> (дата обращения: 23.04.2021).

Вынужденным переселенцам из Чечни, 2020 – Вынужденным переселенцам из Чечни, утратившим статус, могут выделить участки в Ингушетии // ИА ТАСС, 01.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8858681> (дата обращения: 21.04.2021).

Ганнушкина, 2003 – Ганнушкина С.А. О положении в России жителей Чечни, вынужденно покинувших ее территорию, июнь 2002 г. – май 2003 г.: [Доклад]. М.: Р. Валент, 2003. 79 с.

Горюшина, 2019 – Горюшина Е.М. Интервью с очевидцами постсоветских конфликтов на Юге России: специфика проведения и возможности использования как источников // *Русский архив*. 2019. № 7 (2). С. 95-103.

Горюшина, 2020 – Горюшина Е.М. Непримиимые нарративы «О Другом»: изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне // *Ideology and Politics Journal*. 2020. № 2 (16). С. 279-302.

Гуннар, 2008 – Гуннар С. О. Опыт работы ОБСЕ в Чечне, 1995–2003 годы // *Центральная Азия и Кавказ*. 2008. №. 5 (59). С. 186-200.

Егоров, 2014 – Егоров Г. Русские беженцы из Чечни попросят помощи у Путина // *Общественный контроль*, 21.01.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/8314-russkie-bezhentsy-iz-chechni-poprosyat-pomoshchi-u-putina.html> (дата обращения: 23.04.2021).

Есть ли у них будущее, 2006 – Есть ли у них будущее? Проблемы возвращения и реинтеграции внутриперемещенных лиц на Северном Кавказе. Октябрь 2006 г. // Правозащитный центр «Мемориал», 13.05.2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://memohrc.org/ru/reports/est-li-u-nih-budushee-problemy-vozvrashcheniya-i-reintegracii-vnutriperemeshchennyh-lic-na> (дата обращения: 22.04.2021).

Закон РФ от 19 февраля 1993 г. N 4530-I – Закон РФ от 19 февраля 1993 г. N 4530-I «О вынужденных переселенцах» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10105693/> (дата обращения: 22.04.2021).

Захарова, Цветкова, 2020 – *Захарова Н.М., Цветкова М.Г.* Психические и поведенческие нарушения у мирного населения региона, подвергнувшегося локальным военным действиям // *Психология и право*. 2020. Т. 10. №. 4. С. 185–197.

Интервью 27 ноября 2019 г. – Архив проекта Российского научного фонда (АП РФ). Интервью 27 ноября 2019 г. Место проведения: г. Ростов-на-Дону. Продолжительность 101 минута. Интервьюер Е.М. Горюшина.

Интервью 2 декабря 2020 г. – АП РФ. Интервью 2 декабря 2020 г. Место проведения: г. Ростов-на-Дону. Продолжительность 69 мин. Интервьюер Е.М. Горюшина.

Интервью 14 декабря 2020 г. – АП РФ. Интервью 14 декабря 2020 г. Место проведения: г. Ростов-на-Дону. Продолжительность 63 мин. Интервьюер Е.М. Горюшина.

Интервью 13 апреля 2021 г. – АП РФ. Интервью 13 апреля 2021 г. Место проведения: г. Магас. Продолжительность 78 мин. Интервьюер Е.М. Горюшина.

Интервью 16 апреля 2021 г. – АП РФ. Интервью 16 апреля 2021 г. Место проведения: г. Магас. Продолжительность 73 мин. Интервьюер Е.М. Горюшина.

Как преодолеть психотравму, 2012 – Как преодолеть психотравму и восстановить душевное равновесие. Методическое пособие по психотравмотерапии / Под ред. Л.В. Мищенко. Пятигорск: Верн: РИА-КМВ, 2012. 328 с.

Ключищева, Мальцева, 2007 – *Ключищева В.Г., Мальцева Е.С.* Экономические последствия Чеченской войны и условия жизни внутриперемещенных лиц и жителей Чеченской Республики // *Войны и терроризм в прошлом и настоящем: социополитические и экономические аспекты. Материалы IX межвузовской научной студенческой конференции*. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. С. 113–117.

Конвенция 1969 года – Конвенция 1969 г. по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unhcr.org/ru/wp-content/uploads/sites/73/2019/> (дата обращения: 22.04.2021).

Конвенция о статусе беженцев, 1951 – Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2540374/> (дата обращения: 22.04.2021).

Котова, 2016 – *Котова Т. А.* Проблема урегулирования правового статуса беженцев и перемещенных лиц после второй мировой войны // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2016. Т. 15. № 2. С. 45–54.

Курские, 2020 – *Курские И.* Вынужденным переселенцам из Чечни и Северной Осетии вручили жилищные сертификаты в Ингушетии // Интернет-газета «Ингушетия/ГалгIайче», 24.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://gazetaingush.ru/news/vynuzhdennym-pereselencam-iz-chechni-i-severnoy-osetii-vruchili-zhilishchnye-sertifikaty-v> (дата обращения: 25.04.2021).

Маслова, 2007 – *Маслова Т.Ф.* Социальное самочувствие вынужденных переселенцев // *Социологические исследования*. 2007. №. 4. С. 103–107.

Миниг, 2002 – *Миниг М.* Задачи, стоящие перед сотрудниками международных организаций в период вооруженных конфликтов // *Гуманитарные операции при чрезвычайных ситуациях и в вооруженных конфликтах. Седьмая всероссийская научно-практическая конференция: Доклады и выступления. Центр стратегических исследований гражданской защиты МЧС России*, 2002. С. 174–177.

Мохова, 2014 – *Мохова С.* «Там мы русские, здесь – чеченцы» // ИА «Росбалт», 20.01.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2014/01/20/1223315.html> (дата обращения: 25.04.2021).

Мукомель, 1999 – *Мукомель В.И.* Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // *Социологические исследования*. 1999. № 6. С. 66–71.

Панкова, 2019 – *Панкова Е.* «Ютились в брошенном вагоне». Почему беженцы из Чечни до сих пор без жилья // *Аргументы и Факты. Еженедельник. АиФ-СК*, 20.02.2019. № 8 [Электронный ресурс]. URL: https://stav.aif.ru/society/person/broshennye_i_bezdomnye_pochemu_bezhency_iz_chechni_do_sih_por_bez_svoego_zhilya (дата обращения: 25.04.2021).

Письмо Министерства РФ 2016 – Письмо Министерства РФ по делам Северного Кавказа от 19 августа 2016 г. № ДО-2-03043 «О жилищном обустройстве граждан, пострадавших в результате разрешения кризиса в Чеченской Республике» // ГАРАНТ.РУ, 18.11.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71431520/#ixzz6uISYW9Lr> (дата обращения: 25.04.2021).

Права неграждан – Права неграждан, 2006. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/noncitizensen_ru.pdf (дата обращения: 22.04.2021).

Правительство Чечни развернуло, 2006 – Правительство Чечни развернуло кампанию по ликвидации центров временного размещения вынужденно перемещенных лиц // *Кавказский Узел*, 30.06.2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/97064/> (дата обращения: 23.04.2021).

Руководящие принципы, 1998 – Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/internal_displacement_principles.shtml (дата обращения: 22.04.2021).

Сухов, 2020 – Сухов И. Судьба русских из Грозного // *Newsland*, 30.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/community/4765/content/zapiski-groznentsa-sudba-russkikh-iz-groznogo/7297541> (дата обращения: 25.04.2021).

Федеральный закон № 467-ФЗ – Федеральный закон от 30.12.2015 г. № 467-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О вынужденных переселенцах”» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201512300125.pdf> (дата обращения: 21.04.2021).

Яндиева, 2017 – Яндиева Т. У. Вынужденные переселенцы в Республике Ингушетия (1990–2000-е гг.) // *Современная научная мысль*. 2017. № 3. С. 75–80.

De Jong и др., 2004 – De Jong K., van der Kam S., Van Oosten R., Cunningham D., Boots G. Trauma of Chechnya's ongoing war on internally displaced people // *The Lancet*. 2004. Vol. 364. No. 9438. P. 1008.

De Jong и др., 2007 – De Jong K., van der Kam S., Ford N., Hargreaves S. van Oosten R., Cunningham D., Boots G., Andrault E., Kleber R. The trauma of ongoing conflict and displacement in Chechnya: quantitative assessment of living conditions, and psychosocial and general health status among war displaced in Chechnya and Ingushetia // *Conflict and Health*. 2007. Vol. 1. No. 1. Pp. 1-13.

Douglas, 1986 – Douglas M. How institutions think. Syracuse (NY): Syracuse University Press, 1986. 158 с.

Forced Displacement Literature Review: 2019–2020 – Forced Displacement Literature Review: 2019–2020. [Electronic resource]. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/940291575434038147/pdf/Forced-Displacement-Literature-Review-2019-2020.pdf> (date of access: 21.04.2021).

Human Rights Watch, 2003 – Human Rights Watch. INTO HARM'S WAY: Forced Return of Displaced People to Chechnya. Human Rights Watch, 2003. Vol. 15. No. 1. 28 p.

Sachs, 2012 – Sachs J. Winning the story wars: Why those who tell (and live) the best stories will rule the future. Brighton (MA): Harvard Business Press, 2012. 280 p.

References

Bor'ba za vyzhivanie, 2008 – Bor'ba za vyzhivanie. O polozhenii byvshih zhitelej Chechni na territorii Rossii za predelami Chechenskoj respubliki (2008) [Fight for survival. On the situation of former residents of Chechnya on the territory of Russia outside the Chechen Republic]. *Internal Displacement Monitoring Centre* [Electronic resource]. URL: <https://www.internal-displacement.org/sites/default/files/inline-files/200806-eu-russia-struggling-to-integrate-displaced-people-from-chechnya-country-ru.pdf> (date of access: 23.04.2021). [in Russian]

V SPCh sostojalos' soveshhanie, 2019 – V SPCh sostojalos' soveshhanie po voprosam mer gospodderzhki vynuždennym pereselencam iz Chechenskoj Respubliki (2019) [The HRC held a meeting on state support measures for internally displaced persons from the Chechen Republic]. *Sovet pri Prezidente Rossijskoj Federacii po razvitiju grazhdanskogo obshhestva i pravam cheloveka* [Council under the President of the Russian Federation for the Development of Civil Society and

Human Rights], 31.07. [Electronic resource]. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5701/?fbclid=IwAR2Sg6WZWMjK3quA9vpTJ-SRZ7QhpJfRQ=HcW1h6cqINl4NbpXgYPJ5Hie hQ> (date of access: 23.04.2021). [in Russian]

[Vynuzhdennym pereselencam iz Chechni, 2020](#) – Vynuzhdennym pereselencam iz Chechni, utrativshim status, mogut vydelit' uchastki v Ingushetii (2020) [Internally displaced persons from Chechnya who have lost their status can be allocated land plots in Ingushetia]. *IA TASS*, 01.07. [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8858681> (date of access: 21.04.2021). [in Russian]

[Gannushkina, 2003](#) – *Gannushkina, S.A.* (2003). O polozhenii v Rossii zhitelej Chechni, vynuzhdenno pokinuvshih ee territoriju, ijun' 2002 g. [On the situation in Russia of residents of Chechnya who were forced to leave its territory], June 2002 – May 2003: [Report]. Moscow: R. Valent, 79 p. [in Russian]

[Goryushina, 2019](#) – *Goryushina, E.M.* (2019). Interv'ju s ochevidcami postsovetskih konfliktov na Juge Rossii: specifika provedenija i vozmozhnosti ispol'zovanija kak istochnikov [Interviews with eyewitnesses to the post-soviet conflicts in the South of Russia: specifics of interviewing and opportunities as historical sources]. *Russkij arhiv*. 7(2): 95-103. [in Russian]

[Goryushina, 2020](#) – *Goryushina, E.M.* (2020). Neprimirimye narrativy “O Drugom”: izuchenie pamjati o vooruzhennom konflikte v Chechne [Irreconcilable narratives about “The Other”: memory research of the armed conflict in Chechnya]. *Ideology and Politics Journal*. No. 2 (16). pp. 279-302. [in Russian]

[Gunnar, 2008](#) – *Gunnar, S.O.* (2008). Opyt raboty OBSE v Chechne, 1995–2003 gody [OSCE experience in Chechnya, 1995-2003]. *Central'naja Azija i Kavkaz*. (59): 186-200. [in Russian]

[Egorov, 2014](#) – *Egorov G.* (2014). Russkie bezhency iz Chechni poprosjat pomoshhi u Putina [Russian refugees from Chechnya will ask for help from Putin]. *Obshhestvennyj kontrol'*, 21.01. [Electronic resource]. URL: <https://ok-inform.ru/obschestvo/8314-russkie-bezhentsy-iz-chechni-poprosyat-pomoshchi-u-putina.html> (date of access: 23.04.2021). [in Russian]

[Est' li u nih budushhee, 2006](#) – Est' li u nih budushhee? Problemy vozvrashhenija i reintegracii vnutripere meshennyh lic na Severnom Kavkaze. Oktjabr' 2006 g. [Do They Have a Future? Problems of return and reintegration of internally displaced persons in the North Caucasus. October 2006]. *Pravozashhitnyj centr “Memorial”*. [Electronic resource]. URL: <https://memohrc.org/ru/reports/est-li-u-nih-budushee-problemy-vozvrashcheniya-i-reintegracii-vnutripere meshennyh-lic-na> (date of access: 22.04.2021). [in Russian]

[Zaharova, Cvetkova, 2020](#) – *Zaharova, N.M., Cvetkova, M.G.* (2020). Psihicheskie i povedencheskie narushenija u mirnogo naselenija regiona, podvergshegosja lokal'nym voennym dejstvijam [Mental and Behavioral Disorders in the Civilian Population of the Region Subjected to Local Military Actions]. *Psihologija i pravo*. 10(4): 185-197. [in Russian]

[Zakon RF ot 19 fevralja 1993 g. N 4530-I](#) – Zakon RF ot 19 fevralja 1993 g. N 4530-I «O vynuzhdennyh pereselencah» (s izmenenijami i dopolnenijami) [RF Law of February 19, 1993 N 4530-I “On Forced Migrants” (with amendments and additions)]. *Informacionno-pravovoj portal “Garant.ru”* [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/10105693/> (date of access: 22.04.2021). [in Russian]

[Interv'yu 27 noyabrya 2019 g.](#) – Arkhiv proekta Rossijskogo nauchnogo fonda (AP RNF) [Archive of the project of the Russian Science Foundation (AP RSF)]. Interv'yu 27 noyabrya 2019 g. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu. Prodolzhitel'nost' 101 minuta. Interv'yuer E.M. Goryushina. [in Russian]

[Interv'yu 2 dekabrya 2020 g.](#) – AP RNF. Interv'yu 2 dekabrya 2020 g. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu. Prodolzhitel'nost' 69 min. Interv'yuer E.M. Goryushina.

[Interv'yu 14 dekabrya 2020 g.](#) – AP RNF. Interv'yu 14 dekabrya 2020 g. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu. Prodolzhitel'nost' 63 min. Interv'yuer E.M. Goryushina.

[Interv'yu 13 aprelya 2021 g.](#) – AP RNF. Interv'yu 13 aprelya 2021 g. Mesto provedeniya: g. Magas. Prodolzhitel'nost' 78 min. Interv'yuer E.M. Goryushina. [in Russian]

[Interv'yu 16 aprelya 2021 g.](#) – AP RNF. Interv'yu 16 aprelya 2021 g. Mesto provedeniya: g. Magas. Prodolzhitel'nost' 73 min. Interv'yuer E.M. Goryushina. [in Russian]

Kak preodolet' psihotravmu, 2012 – Kak preodolet' psihotravmu i vosstanovit' dushevnoe ravnovesie (2012) [How to overcome trauma and restore peace of mind]. Methodological manual for psychotraumatic therapy]. Ed. L.V. Mishhenko. Pjatigorsk: Bern: RIA-KMV, 328 p. [in Russian]

Kljuchishheva, Mal'ceva, 2007 – *Klyuchishcheva, V.G., Mal'tseva, E.S.* (2007). Jekonomicheskie posledstviya Chechenskoj vojny i uslovija zhizni vnutriperemeshhennyh lic i zhitelej Chechenskoj Respubliki [Economic consequences of the Chechen war and living conditions of internally displaced persons and residents of the Chechen Republic]. *Vojny i terrorizm v proshlom i nastojashhem: sociopoliticheskie i jekonomicheskie aspekty. Materialy IX mezhvuzovskoj nauchnoj studencheskoj konferencii*. Ed. V.N. Logunov. Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, pp. 113-117. [in Russian]

Konvencija 1969 goda, – Konvencija 1969 g. po konkretnym aspektam problem bezhencev v Afrike [1969 Convention on the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa]. [Electronic resource]. URL: <https://www.unhcr.org/ru/wp-content/uploads/sites/73/2019/> (date of access: 22.04.2021). [in Russian]

Konvencija o statusu bezhencev, 1951 – Konvencija o statusu bezhencev (Zheneva, 28 ijulja 1951 g.) [Convention relating to the status of refugees (Geneva, July 28, 1951)]. Informacionno-pravovoj portal «Garant.ru». [Electronic resource]. URL: <https://base.garant.ru/2540374/> (date of access: 22.04.2021). [in Russian]

Kotova, 2016 – *Kotova T. A.* (2016). Problema uregulirovanija pravovogo statusa bezhencev i peremeshhennyh lic posle vtoroj mirovoj vojny [The problem of settling the legal status of refugees and displaced persons after the Second World War]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii*. 15(2): 45-054. [in Russian]

Kurskiev, 2020 – *Kurskiev, I.* (2020). Vynuzhdennym pereselencam iz Chechni i Severnoj Osetii vruchili zhilishhnye sertifikaty v Ingushetii [Internally displaced persons from Chechnya and North Ossetia were awarded housing certificates in Ingushetia]. *Internet newspaper "Ingushetia / GialgIayche"*, 29.04. [Electronic resource]. URL: <https://gazetaingush.ru/news/vynuzhdennym-pereselencam-iz-chechni-i-severnoy-osetii-vruchili-zhilishhnye-sertifikaty-v> (date of access: 25.04.2021). [in Russian]

Maslova, 2007 – *Maslova, T.F.* (2007). Social'noe samochuvstvie vynuzhdennyh pereselencev [Social well-being of forced migrants]. *Sociologicheskie issledovanija*. 4: 103-107. [in Russian]

Minig, 2002 – *Minig, M.* (2002). Zadachi, stojashhie pered sotrudnikami mezhdunarodnyh organizacij v period voozuzhennyh konfliktov [Tasks facing the staff of international organizations during armed conflicts]. *Gumanitarnye operacii pri chrezvychajnyh situacijah i v voozuzhennyh konfliktah. Sed'maja userossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija: Doklady i vystuplenija. Centr strategicheskikh issledovanij grazhdanskoj zashhity MChS Rossii*. Pp. 174-177. [in Russian]

Mohova, 2014 – *Mohova, S.* (2014). "Tam my russkie, zdes' – chechency" ["There we are Russians, here we are Chechens"]. IA "Rosbalt", 20.01. [Electronic resource]. URL: <https://www.rosbalt.ru/piter/2014/01/20/1223315.html> (date of access: 25.04.2021). [in Russian]

Mukomel', 1999 – *Mukomel', V.I.* (1999). Demograficheskie posledstviya jetnicheskikh i regional'nyh konfliktov v SNG [Demographic consequences of ethnic and regional conflicts in the CIS]. *Sociologicheskie issledovanija*. 6: 66-71. [in Russian]

Pankova, 2019 – *Pankova, E.* (2019). «Jutilis' v broshennom vagone». Pochemu bezhency iz Chechni do sih por bez zhil'ja. ["We huddled in an abandoned carriage." Why refugees from Chechnya are still homeless]. *Argumenty i Fakty. Ezhenedel'nik. AiF-SK*, 20.02.2019. 8 [Electronic resource]. URL: https://stav.aif.ru/society/person/broshennye_i_bezdomnye_pochemu_bezhency_iz_chechni_do_sih_por_bez_svoego_zhilya (date of access: 25.04.2021). [in Russian]

Pis'mo Ministerstva RF, 2016 – Pis'mo Ministerstva RF po delam Severnogo Kavkaza ot 19 avgusta 2016 g. № DO-2-03043 «O zhilishhnom obustrojstve grazhdan, postradavshih v rezul'tate razreshenija krizisa v Chechenskoj Respublike» [Letter of the Ministry of the Russian Federation for North Caucasus Affairs dated August 19, 2016 No. DO-2-03043 "On the housing arrangement of citizens affected by the resolution of the crisis in the Chechen Republic"]. GARANT.RU, 18.11.2016. [Electronic resource]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71431520/#ixzz6uISYW9Lr> (date of access: 25.04.2021). [in Russian]

Prava negrazhdan, 2006 – Prava negrazhdan (2006) [Rights of non-citizens, 2006.]. [Electronic resource]. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Publications/nonciti_zensen_ru.pdf (date of access: 22.04.2021). [in Russian]

Pravitel'stvo Chechni razvernulo, 2006 – Pravitel'stvo Chechni razvernulo kampaniju po likvidacii centrov vremennogo razmeshhenija vynuždenno peremeshhennyh lic [The Chechen government launched a campaign to eliminate temporary accommodation centers for internally displaced persons]. *Kavkazskij Uzel*, 30.06.2006. [Electronic resource]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/97064/> (date of access: 23.04.2021). [in Russian]

Rukovodjashhie principy, 1998 – Rukovodjashhie principy po voprosu o peremeshhenii lic vnutri strany 1998 g. [Guidelines on Internal Displacement 1998]. [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/internal_displacement_principles.shtml (date of access: 22.04.2021). [in Russian]

Suhov, 2020 – *Suhov I.* (2020). Sud'ba russkikh iz Groznogo [The fate of Russians from Grozny]. *Newsland*, 30.12. [Electronic resource]. URL: <https://newsland.com/community/4765/content/zapiski-groznentsa-sudba-russkikh-iz-groznogo/7297541> (date of access: 25.04.2021). [in Russian]

Federal'nyj zakon № 467-FZ – Federal'nyj zakon ot 30.12.2015 g. № 467-FZ “O vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii “O vynuždennyh pereselencah”” [Federal Law No. 467-FZ dated 30.12.2015 “On Amendments to the Law of the Russian Federation “On Forced Migrants”]. [Electronic resource]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201512300125.pdf> (date of access: 21.04.2021). [in Russian]

Yandieva, 2017 – *Yandieva, T. U.* (2017). Vynuždennye pereselency v Respublike Ingushetija (1990–2000-e gg.) [Forced migrants in the Republic of Ingushetia (1990–2000)]. *Sovremennaja nauchnaja mysl'*. 3: 75-80. [in Russian]

De Jong i dr., 2004 – *De Jong, K., van der Kam, S., Van Oosten, R., Cunningham, D., Boots, G.* (2004). Trauma of Chechnya's ongoing war on internally displaced people. *The Lancet*. 364(9438): 1008.

De Jong i dr., 2007 – *De Jong, K., van der Kam, S., Ford, N., Hargreaves, S. van Oosten, R., Cunningham, D., Boots, G., Andrault, E., Kleber, R.* (2007). The trauma of ongoing conflict and displacement in Chechnya: quantitative assessment of living conditions, and psychosocial and general health status among war displaced in Chechnya and Ingushetia. *Conflict and Health*. 1(1): 1-13.

Douglas, 1986 – *Douglas, M.* (1986). How institutions think. Syracuse (NY): Syracuse University Press, 158 p.

Forced Displacement Literature Review: 2019–2020 – Forced Displacement Literature Review: 2019–2020. [Electronic resource]. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/940291575434038147/pdf/Forced-Displacement-Literature-Review-2019-2020.pdf> (дата обращения: 21.04.2021) [in English]

Human Rights Watch, 2003 – Human Rights Watch. INTO HARM'S WAY: Forced Return of Displaced People to Chechnya (2003). Human Rights Watch, Vol. 15. No. 1, 28 p.

Sachs, 2012 – *Sachs, J.* (2012). Winning the story wars: Why those who tell (and live) the best stories will rule the future. Brighton (MA): Harvard Business Press, 280 p.

Постсоветские вооруженные конфликты на Северном Кавказе: особенности сбора интервью с внутренне перемещенными лицами из Чечни

Евгения Михайловна Горюшина ^{a, *}

^a Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучение частной памяти о вооруженном конфликте в Чечне рассматривается сквозь призму неинституционалистского подхода, который позволяет

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: esherder@gmail.com (Е.М. Горюшина)

использовать не только традиционные виды источников (например, публикуемые периодические издания). Неинституционалистская история предполагает применение первоисточников, более привычных для этнографов и антропологов – устные свидетельства в форме неструктурированного интервью. В политологическом ракурсе неоинституционализм может способствовать объяснению того, как современное положение внутренне перемещенных лиц ограничивается регулируемыми институтами федерального уровня. Исследование опирается на понимание истории, представленной крупнейшим британским социальным антропологом XX в. М. Дуглас в 1986 г., как накопительной совокупности индивидуальной и коллективной памяти, оказывающей непосредственное влияние на формирование действий и значение социальных отношений в институционально противоречивой среде (в которой оказались ВПЛ). Статья представляет собой первую попытку разобраться в вопросе интервьюирования ВПЛ из Чечни спустя 27 лет после начала активной фазы вооруженных действий. В статье приводятся фрагменты интервью с ВПЛ в результате внутреннего вооруженного конфликта в Чечне. Все сведения анонимизируются по просьбе респондентов.

Ключевые слова: война, вооруженный конфликт, интервью, постсоветский конфликт, Юг России, внутренне перемещенные лица, Чечня.